

Р А З Д Е Л 1
ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ДИПЛОМАТИИ. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

МЕНТАЛЬНЫЕ И СМЫСЛОВЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
КОНЦЕПТОВ «ВОЙНА» И «МИР» В ТЕОРИИ ДИПЛОМАТИИ
И ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
РАННЕГО НОВОГО И НОВОГО ВРЕМЕНИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ
И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРСЫ

В. Г. Циватый (Киев)

Концепт в философии, истории и лингвистике – содержание понятия, смысловое значение имени (знака). Отличается от самого знака и от его предметного значения (денотата, объёма, понятия). В юриспруденции концепту соответствует правовой институт.

В процессе исторического и политико-правового развития такие тандемные понятия, как «война» – «мир», «свой» – «чужой», «враг» – «союзник», претерпевали качественные смысловые изменения в зависимости от характера эпохи, особенностей международных отношений, идеологии и религиозного мировоззрения государств, а в последнее время, в XXI веке – и в связи с новыми геополитическими, политико-дипломатическими и экономическими факторами [7].

Место оформления таких категорий как «война» – «мир» ограничено рамками политико-правового поля, в котором чётко прослеживаются отношения, связывающие эти понятия в тандемы (тандемы концептов).

Существует несколько общеизвестных интерпретаций понятия «война». Согласно первой любая война должна заканчиваться миром. Такая война носит название регулярной. Немецкий юрист и философ Карл Шмитт пишет, что война, в которой воюющие стороны «... и в войне уважают друг друга как противников и не подвергают друг друга дискриминации как преступников, в результате чего заключение мира возможно, более того, оказывается нормальным, само собой разумеющимся окончанием войны» [3, с. 271–285; 8]. Кроме того, для регулярной войны характерен межгосударственный характер и уважение прав нейтральных стран.

Вторая интерпретация понятия «война» напрямую связана с восприятием врага через морально-религиозный концепт «зло». Подчинение понятия «война» законам политической теологии придаёт ему (понятию/концепту) религиозный характер. Религиозная война (в отличие от ре-

гулярной и справедливой) длится бесконечно и мира не знает, ибо «мир» (как перемирие) со злом невозможен в принципе. В яркой международно-политической палитре времён раннего Нового и Нового времени концепты «война» и «мир» – особо актуализируются.

В истории политической мысли и институционального развития органов внешних сношений государств, дипломатия и её институты всегда рассматривались как часть социополитической культуры общества, как одно из самых главных средств защиты интересов государства в процессе государственного строительства как в мирных условиях, так и в периоды войн Средневековья и раннего Нового времени [1; 2; 9].

Исследуя институциональные процессы в европейской внешней политике и дипломатии раннего Нового и Нового времени, автор исследования стремится показать не только историю развития внешней политики и дипломатии Европы в общеевропейском и институционально-цивилизационном контексте, которая уже была предметом исследования ученых, а выделить ее функциональный аспект именно в контексте влияния общественно-политической мысли на процесс формирования внешне-политической стратегии и межгосударственных отношений по линии Запад – Восток.

Особое внимание уделяется развитию и институционализации дипломатических служб во временно-пространственном измерении, и формированию ментальных установок, внешнеполитических и дипломатических идеологем в политико-психологической конструкции идей относительно формирования и трансформации европейской системы государств в XVI–XVIII и XIX веков [7, р. 196–199].

В яркой палитре политико-дипломатической и конфессиональной истории Европы видное место занимает дипломатия ведущих государств Европы (Франции, Испании, Италии, Англии, Германии и т.д.), с деятельностью которой связывают блестящие внешнеполитические успехи и опасные концепции, которые позволяли большинству европейских государств последовательно отстаивать свои национальные интересы даже в самые трудные моменты ее истории и цивилизационного развития [6].

В течение многих столетий Франция, Испания, Италия, Англия играли ведущую роль в европейской и мировой политике. Их история насыщена важными по своей значимости внутренними и внешними событиями, многие из которых вышли за национальные рамки этих государств и оказали огромное влияние на дальнейшее политическое, социальное, научное и культурное развитие Европы и мира в целом, а также отразились на эволюции и институциональном развитии систем безопасности, политико-дипломатических систем и систем международных отношений всех государств Западной и Центрально-Восточной Европы.

Понятие «институционализация» активно используется в научном инструментарии исследователей. Но именно исторический аспект исследо-

вания институционализации внешней политики предполагает выявление способов достижения тех или иных общественных результатов, воспроизводит процесс самой трансформации, формирования политической идеологии, внешнеполитической стратегии и дипломатического инструментария, а не сосредотачивает внимание исследователя лишь на простой фактологической констатации.

Международно-политическая или политико-дипломатическая конгруэнтность – это совпадение между «реальным я» (real self) и «идеальным я» (ideal self) в межгосударственных отношениях. Поэтому наличие взаимных и обратных связей по диагонали Запад – Восток или в системах международных отношений, политическое влияние государств-акторов на эти институциональные связи в целом присущи любым моделям межгосударственных отношений. По сути, взаимные и обратные связи служат в государственных, политико-дипломатических и общественно-политических системах механизмом адаптации целевой деятельности политико-дипломатических институтов и институтов власти к целям, интересам и потребностям социума в эпоху раннего Нового времени, позволяя сделать сам управленческий процесс конгруэнтным общему запросу расстановки политических сил в изменяющейся системе международных отношений [4, с. 229–246; 5].

Среди войн раннего Нового и Нового времени особое место занимают – Итальянские войны (1494–1559 гг.), Тридцатилетняя война (1618–1648 гг.) и Наполеоновские войны.

В ходе этих войн в теории и практике дипломатии формировались концепты «война» и «мир», усовершенствовались формы, методы и принципы переговорного процесса и формировался образ дипломата раннего Нового времени и Нового времени. Институциональная память многих поколений и пристальное внимание исследователей к войнам раннего Нового времени во многом объясняется тем влиянием, которое они оказали на политико-дипломатическую жизнь Европы XVI–XIX веков [3, с. 271–285].

С одной стороны, политические итоги этих войн изменили европейское общество, способствовали его трансформации, а с другой стороны – их масштабы способствовали ментальным сдвигам, т. е. во время войн постепенно начинает меняться мировоззрение, появилось новое поколение и новое светское мировоззрение, в т.ч. – и в сфере дипломатии. Формируется образ дипломата раннего Нового времени [7].

События Итальянских войн стали своеобразной экспериментальной площадкой, на которой происходила апробация всех форм и методов дипломатии раннего Нового времени, в ходе Тридцатилетней войны, Ливонской войны и Наполеоновских войн [4, с. 229–246; 9].

Дипломаты раннего Нового и Нового времени неукоснительно соизмеряли каждый внешнеполитический шаг своего государства с позицией своего государства в системе международных отношений и концептов

«война» – «мир», научились учитывать позиционное размещение внешнеполитических сил и определять необходимый дипломатический инструментарий для реализации внешнеполитических задач.

Таким образом, можно констатировать, что в период раннего Нового и Нового времени в дипломатических практиках всегда присутствовала эмоциональная дилемма, главным образом влияющая на образ дипломата Нового времени – дилемма социального и индивидуального. В эпоху раннего Нового и Нового времени в Европе уже сформировался традиционно европейский образ дипломата (личность дипломата). Интеллектуальная Европа создала институциональную модель и новый образ дипломата, с дипломатическим иммунитетом, моральными качествами и формальным статусом.

Фактор территориальной децентрализации в период войн предъявляет специфические требования к разрыву институциональных межгосударственных связей. В идеале, чтобы процесс выработки и реализации таких политик был эффективным, пространство акторов-государств и институциональное пространство региона (регионов) должны быть конгруэнтными, в частности по линии Запад – Восток.

Именно в период раннего Нового и Нового времени, в условиях противоборства концептов «война» – «мир» и военных перипетий, и происходит становление государств нового типа и нового миропорядка (Новая Европа). Опыт институционального становления и развития политико-дипломатических систем государств не утратил своей актуальности и сегодня.

Изменяющийся мир (общество, государство, личность, политика, дипломатия, международные отношения), несомненно, влияет и на изменение политико-дипломатической системы государства, дипломатического социума и дипломатических образов, интерпретаций концептов «война» и «мир» в исторической ретроспективе.

1. Кальер, Ф. де. Каким образом договариваться с государями: Рус. пер. 1757 г. Репр. воспроизведение изд., выпущ. в Санкт-Петербурге в 1772 г., с прил. / Ф. де Кальер. – М. : МИА, 2001. – 290 с.
2. Мабли, Г. Б. де. Принципы переговоров: пер. с фр., примеч. и указ. Л. А. Сифуровой / Г. Б. де Мабли. – М. : Научная книга (НК), 2014. – 295 с.
3. Циватый, В. Г. Дипломатический инструментарий Никколо Макиавелли и институты европейской дипломатии раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.) / В. Г. Циватый // Перечитывая Макиавелли. Идеи и политическая практика через века и страны: сборник научных статей / под ред. М. А. Юсима ; Институт всеобщей истории РАН. – М., 2013. – С. 271–185.
4. Циватый, В. Г. Віденський конгрес 1814–1815 рр.: інституціональний вердикт європейського політико-дипломатичного та суспільно-історичного розвитку / В. Г. Циватый // Міжнародні зв'язки України: наукові пошуки і знахідки. – Вип. 25. – К. : Ін-т історії України НАН України, 2016. – С. 229–246.
5. Alcalá-Zamora, J. España, Flandes y el mar del Norte (1618–1639): La última ofensiva europea de los Austrias madrileños / J. Alcalá-Zamora. – Barcelona, 1975. – 400 p.

6. Barbiche, B. Les institutions de la monarchie française à l'époque moderne. XVI-e – XVIII-e siècle / B. Barbiche. – Paris : Presses Universitaires de France, 2012. – 369 p.
7. Black, J. A History of Diplomacy / J. Black. – Chicago : Reaktion Books, 2010. – 312 p.
8. Jarrett, M. The Congress of Vienna and its Legacy. War and Great Power Diplomacy After Napoleon / M. Jarrett. – London/New York : I. B. Tauris, 2013. – 522 p.
9. Lentz, T. Le congrès de Vienne. Une refondation de l'Europe, 1814–1815 / T. Lentz. – Paris : Perrin, 2013. – 400 p.

НАЗАД К КАНТУ, ИЛИ КАКОЙ ПРАВОПОРЯДОК НУЖЕН МИРУ? ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ДИСКУССИЙ О ПРИРОДЕ НОРМАТИВНОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

О. И. Ивонина (Новосибирск)

Обсуждение проблем нового миропорядка и природы современных международных отношений, инициированное объективными процессами глобализации, получило новый импульс после окончания Холодной войны. Доктринальное обоснование приоритетности международно-правового регулирования прав и свобод человека, способов ведения войн и разрешения конфликтов, обеспечения национальной и коллективной безопасности было отражением различных и противоречивых тенденций развития международных отношений на рубеже XX–XXI вв.

Кодификация норм гуманитарного права, в особенности концепции Responsibility to Protect (PR2P), свидетельствовала о признании всем мировым сообществом ценности человеческой жизни в качестве высшей цели развития общества и государства. Ссылки на право мирового сообщества вмешиваться во внутренние дела для «защиты населения от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности» стали обоснованием доктрины ограниченного суверенитета государства в условиях формирующегося демократического мирового сообщества [1].

Антропоцентризм либерального правосознания допускал наличие международной правосубъектности отдельных индивидов, юридических лиц, общественных движений, т.е. не обладающих суверенитетом *per se* участников транснационального взаимодействия.

Акцент на единстве общечеловеческих ценностей в постбиполярном мире, где значение идейных и политических барьеров сведено к минимуму, а различие статусных параметров нивелируется глобальной взаимозависимостью, был призван легализовать политику гуманитарных интервенций и операций по поддержанию мира, проводившуюся странами НАТО и США под лозунгом распространения демократии. Противоречие подобного курса нормам Устава ООН не смущало политологов, требовавших создания принципиально новой нормативной и институциональной базы международных отношений, устранения пробелов в действующем международном праве с